

Третейское судопроизводство: перезагрузка

Ф. Н. НИГМАТУЛЛИН, председатель Третейского суда
Пермского края, профессиональный медиатор; fidaris@mail.ru

19 февраля 2016 года в Калининграде под председательством министра юстиции РФ А. Коновалова и под эгидой Петербургского международного юридического форума состоялась выездная конференция «**Реформа третейского разбирательства. Что дальше?**».

Она стала первым мероприятием международного уровня после того, как в декабре 2015 г. был принят пакет законов о реформе третейского разбирательства в России. В конференции участвовало более ста представителей ТПП РФ, бизнес-сообществ и научной общественности, экспертов и специалистов в сферах арбитража и посредничества из России, Беларуси, Латвии, Литвы, Польши, Германии, Великобритании и Румынии.

В ходе конференции прошли пленарное заседание и два круглых стола: «Создание и функционирование арбитражных учреждений: новые правила» и «Процессуальные новеллы в арбитраже». Состоялось профессиональное всестороннее обсуждение будущего реформы третейского разбирательства, дальнейших шагов по ее реализации. Участники обменялись также мнениями по поводу перспектив развития третейского разбирательства в России и за рубежом.

Сегодня поневоле вспоминается, сколько копий было сломано в спорах о необходимости повышать авторитет третейских судов. Об этом же заявил еще в декабре 2013 года Президент РФ Владимир Путин в своем послании Федеральному Собранию РФ.

Горячо и заинтересованно юридическое и предпринимательское сообщества обсуждали предложенные правительством условия создания третейских судов некоммерческими организациями и многие другие проблемы третейского разбирательства. И наконец законодатель принял пакет законов о реформе третейского разбирательства в России. Но поставлена ли точка в решении животрепещущих проблем, стоящих перед самим судебским сообществом?

Чтобы попытаться найти ответ на такой вопрос, его представители и собрались в самом западном российском регионе. А учитывая то, что прямым реализатором законов по реформе выступает Министерство юстиции РФ, которому принадлежит ключевая роль, они с нетерпением ждали выступления его руководителя.

В своем докладе министр юстиции России **А. Коновалов** обозначил проблему численного учета арбитражей, что влияет на качество выносимых ими решений: «Частных арбитражей в России всего около одной тысячи. Но в прошлом году государственные суды вынесли всего шесть тысяч решений по делам об оспаривании третейских актов или их принудительном исполнении». По его словам, вторая цифра дает представление о том, что реально работающих учреждений гораздо меньше, а все остальные созданы

для непрозрачных «утилитарных целей». Это дискредитирует не только сами третейские суды, но и всю систему правоприменения в России в целом. «Реформа третейского разбирательства имела изначальной целью решение накопившихся серьезных проблем, — продолжил министр. — Я имею в виду так называемые «карманные арбитражи», которые создавались под конкретные задачи учредителей».

Обратил внимание Александр Коновалов и на необходимость получения арбитражами устойчивой и постоянной репутации. По его мнению, сейчас появилась уникальная возможность, когда участие в деятельности арбитража может перестать быть неким хобби, а по сути становится делом жизни.

Как особо выделил министр, нужно обратить внимание и на незамысловатость форм, которые нередко приобретает реклама юридических продуктов, в том числе третейского судопроизводства: «Здесь не удастся выехать на рукописной надписи на заборе, — предостерег он юридическое сообщество, — Единственное, что может продвигать этот продукт, это репутационные последствия». И этот посыл министра был понятен собравшимся: образованные в результате принятого закона третейские суды (независимо от того, сколько их будет) просто обязаны заработать репутацию добросовестных, честных и стабильных учреждений. И эта репутация, в свою очередь, начнет работать на повышение их авторитета и уровня доверия сторон споров.

Как отметил докладчик, принятию законов предшествовала трехлетняя работа Минюста России во взаимодействии с Торгово-промышленной палатой РФ, Российским союзом промышленников и предпринимателей, Минэкономразвития России, Верховным Судом Российской Федерации, представителями делового и юридического сообществ.

Какая же цель стояла перед разработчиками законов? Прежде всего, нужно было попытаться решить целый ряд серьезных проблем, накопившихся в практике российского арбитража за последние два десятка лет: зависимость судей от волюнтаризма учредителей и руководства постоянно

действующих третейских судов, злоупотребления в процессе третейского разбирательства, использование арбитража в недобросовестных целях. А это не могло не сказаться на востребованности арбитража бизнес-структурами: она стремительно катилась вниз. А Коновалов предложил воспользоваться новым законом как поводом, чтобы напомнить предпринимателям: арбитраж позволяет решить спор дешево, быстро и справедливо.

«Главное сейчас — убедить бизнес в том, что пользоваться услугами третейских судов можно и нужно, — отметил в своем выступлении член бюро правления Российского союза промышленников и предпринимателей **В. Лисин**. — Для этого есть немало причин, среди которых и усложнение споров, которые подчас требуют от судьи специальных знаний, и рост стоимости зарубежных разбирательств из-за скачка курсов валют». Как отметил выступающий, одна из главных на сегодня задач — промощен, продвижение третейского судопроизводства. Многие отечественные предприниматели, в том числе представители крупного бизнеса, просто не знают о том, что спор может быть передан на рассмотрение в третейский суд, и не подозревают о преимуществах такой формы разбирательства.

А председатель Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ **А. Костин** назвал еще одну причину — загруженность рассматриваемыми делами государственных судов: «Я жалею судей государственных судов и не хочу их критиковать. Но еще мне жалко представителей сторон, которые не могут полностью изложить по сложному спору свою позицию: «Пятнадцать минут и до свидания»».

Но, как особо выделил министр юстиции, новый пакет законов предусматривает выстраивание новой схемы организации арбитражных учреждений. Учитывая последние мировые тенденции, в стране будет модернизирована система взаимодействия между арбитражами и государственными судами, значительно расширяется арбитрабельность споров, уточняются процессуальные правила в третейском разбирательстве.

Поднятый министром вопрос о «карманных» третейских судах нами очень близок: из 64 третейских судов, формально заявленных в Пермском крае, только десять имеют контакты для общения и только четыре фактически осуществляют деятельность. Многие третейские суды в Прикамье созданы при каких-либо корпорациях, коммерческих, консалтинговых компаниях. У нас же третейский суд создавался именно как арбитражное учреждение с единственной целью осуществлять третейское разбирательство. На Калининградском форуме его участники в кулуарах живо обсуждали вероятность того, что региональных третейских судов скоро не станет. Пока не совсем понятно, произойдет ли это, но предпосылки к этому налицо.

Как признавали некоторые участники конференции, пути развития третейского судопроизводства для них пока как в тумане. А, например, для Сбербанка они давно осязаемы: как отметил в своем выступлении начальник управления судебной защиты правового департамента банка **С. Минкин**, его учреждение в 2015 году передало на рассмотрение в третейский суд 10 000 споров. Третейская оговорка, по его словам, внесена в большинство кредитных договоров, заключаемых банком, и по выбору истца спор может быть рассмотрен либо третейским судом, либо компетентным государственным судом.

Почему же организатором Калининградского форума выступил Минюст? Потому что именно он становится основным реализатором принятого пакета законов. И это не случайно: именно это министерство контролирует, в том числе, и некоммерческие организации (НКО). А по новому закону администратором ПДАУ может быть только некоммерческая организация. Если сегодня существует множество третейских судов, создаваемых при коммерческих организациях, то со вступлением нового закона в силу, с 1 сентября 2016 года, они утратят законность своей деятельности.

С этой точки зрения у Минюста ключевая роль не только в контроле деятельности арбитражных учреждений как структурных подразделений НКО, но и в контроле самих НКО. А это, на наш взгляд, форма двойного контроля: с одной стороны, Минюст участвует в выдаче разрешения арбитражному учреждению при НКО, а с другой — контролирует ее саму. И создается, таким образом, административный прессинг.

Так что, если мы говорим о независимости третейских судов, то у государства не должно быть вмешательства в их деятельность, либо оно должно быть минимальным. Видимо, хаотичная ситуация, сложившаяся в стране с третейскими судами, при которой невозможно даже определить точное количество созданных третейских судов, а также то, что количество учтенных в России превышает количество третейских судов, суммарно существующих в других странах, требует такого вмешательства.

Плюсы реформы третейской реформы, как подчеркивалось на конференции в Калининграде, неоспоримы. По новому закону, несмотря на имеющиеся жесткие рамки введения разрешительной системы, введена так называемая процедура вменяемого наличия третейского соглашения даже при отсутствии письменного третейского соглашения. Так, одна из сторон спора обращается с иском в третейский суд, и если другая сторона в установленный срок не предоставляет свои возражения, арбитражное соглашение считается достигнутым. Это новшество приходит в практику третейских судов из международного коммерческого арбитража, и оно особенно важно при рассмотрении мелких споров и по тем категориям, где заключение письменного третейского соглашения не типично с учетом специфики правоотношений (к примеру, во внедоговорных обязательствах, спорах в сфере ЖКХ). Безусловно, это новшество даст толчок увеличению споров, которые смогут быть предметом третейского разбирательства.

Считаем, что такое нововведение (наряду с ужесточением требований к квалификации третейских арбитров) создает серьезный стимул развития третейского судопроизводства.

Развитие третейских судов зависит, в том числе, и от этих самых участников спора. «Стороны должны быть сознательными и самостоятельно исполнять решение третейского суда, — высказала мнение бывший заместитель министра и руководитель рабочей группы в Минюсте по разработке проекта закона по третейской реформе, а ныне первый вице-президент и член правления «Газпромбанка» **Е. Борисенко**. — Понимаю, что это некоторый идеализм, но без него реформа останется лишь красивой инструкцией на бумаге. Ну а государство, возможно, готово будет доверить третейским судам даже реструктуризацию в рамках банкротства — сейчас обсуждается возможность это сделать».

По мнению Елены Адольфовны, пусть третейских судов будет немного, но с отличной репутацией. И в них работать арбитрами разрешат судьям в отставке. Вот тут-то поднял острый вопрос вице-президент РСПП **А. Варварин**: «Как формировать обязательный список арбитров третейского суда, если половина его членов должна иметь опыт работы по разрешению споров более 10 лет? Таким образом, законодатель отсекает множество ценных специалистов, а рассчитывать на судей в отставке здесь не приходится. На ум приходит несколько фамилий бывших судей ВАС РФ, которых все мы знаем, но кто кроме них? — недоумевал он. — Есть много тех, кто вышел из судов общей юрисдикции по возрасту. Но те ли это арбитры, которых хочет видеть бизнес?».

Недоумение у вице-президента РСПП вызвал и предлагаемая методика подсчета 10-летнего срока. Должен ли он быть непрерывным или достаточно просто находиться в списках? И как его доказать, если срок хранения документов в третейских судах — пять лет?

По мнению большинства участников, требования по подтверждению стажа не должны быть слишком жесткими. Не стоит доводить их до абсурда только лишь из желания избежать злоупотреблений.

С большим интересом восприняли участники форума выступление модератора заседания, заместителя министра юстиции **М. Гальперина**. «Закон о третейском арбитраже, — подчеркнул он, — потребует принятия множества подзаконных актов, ключевым из которых станет Положение о совете по совершенствованию третейского законодательства. Этот новый орган будет не только оценивать репутацию арбитражей, но и станет экспертной площадкой по анализу правоприменения закона и его дальнейшему совершенствованию. Совет будет состоять на треть из чиновников и на две трети из юристов и представителей бизнеса. Прежде всего, юристам придется привыкнуть к новым терминам. Словосочетание «третейский суд» будет означать только самих арбитров (единоличного либо коллегию арбитров), работающих над разрешением конкретного спора. Третейское соглашение в нынешнем понимании станет арбитражным соглашением».

Михаил Львович выразил надежду на то, что новые правила пусть и на немного, но ослабят зависимость арбитров от учредителей и секретариата суда. При решении вопроса, может ли учреждение продолжать свою деятельность, значение будут иметь голоса арбитров, а у каждого из них будет по три голоса. Таким образом, новый закон вводит неплохой стандарт беспристрастности: учредителем может быть только НКО, и на нее саму распространяются требования об отсутствии конфликта интересов.

При этом конфликт интересов сам по себе не будет поводом для отмены решения, — уточнила заместитель директора департамента экономического законодательства Минюста РФ **А. Усачева**. Она изложила основные правила создания ПДАУ: НКО должна будет получить разрешение, для чего ей потребуются правила ПДАУ; список арбитров; подтверждение репутации самой организации и учреждения-правопредшественника. Изменятся и правила работы. С одной стороны, создать ПДАУ станет труднее. Но в результате уйдут с арены третейские суды с сомнительной репутацией, дискредитирующие этот правовой институт. Да и сам арбитраж получит больше процессуальных

возможностей, что сделает их работу эффективнее, а это, в свою очередь, будет способствовать повышению привлекательности для бизнеса.

Что же нужно будет сделать для создания ПДАУ? Оно теперь приобретет правовой вид подразделения НКО и сможет зарегистрироваться только в разрешительном порядке. При создании ПДАУ нужно будет задепонировать в Минюсте РФ набор необходимых документов и обнародовать список кандидатов в арбитры. Не менее трети арбитров в списке должны иметь ученую степень, и не менее половины обладать опытом разрешения гражданско-правовых споров в качестве третейских судей или судей государственных судов.

Иностранные арбитражные учреждения, по словам А. Усачевой, тоже должны будут получить разрешение на работу ПДАУ. Только критерий у них один — репутация.

«Сейчас есть огромный потенциальный рынок для услуг частных арбитражей, — признал председатель Правления Российской арбитражной ассоциации **В. Хвалец**. — Так, в США число подобных споров исчисляется многими сотнями тысяч. А в России есть представление, что третейское разбирательство — это жульничество». По мнению докладчика, чтобы это переломить, изменений в законодательстве недостаточно: существенно и взаимодействие с государственными судами. Страны с «сильными» коммерческими судами (например, лондонским) отличает то, что там судебная практика позитивно относится к их делам.

«Третейским судам стоит иметь сложную структуру администрирования, а не единственного управленца со всеми полномочиями: это вызывает больше доверия, — заявил заместитель председателя комитета по бюджетной и налоговой политике РСПП **А. Горленко**. — Я пришел к такому выводу, изучив работу авторитетных зарубежных арбитражей, которые так же имеют массу регламентов: по медиации, экспертизе и так далее. Не запрещает это и российский закон. При необходимости можно создать отраслевые регламенты. Например, для разрешения страховых споров».

В заключение конференции ряд участников высказали парадоксальную мысль: пакет законов об арбитраже (третейском судопроизводстве) принят, но никто не знает, что будет дальше. И, видимо, неспроста А. Коновалов заявил, что Минюст будет продолжать свою разъяснительную работу.

Подводя итог впечатлениям от Калининградского форума, отметим, прежде всего, то, что его масштаб и формат позволили раскрыть множество вопросов, которые возникли после принятия нового закона об арбитраже. Третейское судопроизводство в России, дискредитированное, но получающее новую жизнь благодаря последним изменениям в законодательстве, нуждается в грамотном продвижении, прежде всего, в бизнес-сообществе.

Как известно, после принятия нового закона правоприменительная практика формируется за счет тех, кто его применяет в своей деятельности. И именно третейским судам сейчас необходимо проанализировать заложенный законодателем подход в новом законе и выстроить диалог с его реализатором.